

Р.Г. Апресян

УДК 17.01 + 17.02 + 174

Добросовестность и успех

Аннотация. В понятии «успеха» отражается характеристика действия с точки зрения соответствия результата намерению; в этом смысле успех – оценочное понятие, его содержание обусловлено в каждом конкретном случае содержанием цели, планами и ожиданиями деятеля, а также заинтересованных лиц и сторонних наблюдателей. Добросовестность тоже оценочное понятие: оно характеризует действия с точки зрения его соответствия моральным принципам, состав которых может варьироваться сообразно с видами деятельности. В зависимости от понимания целей и побудительных ценностей образовательной, научной деятельности успех может коррелировать с добросовестностью или противоречить ей. В статье проводится обзор основных факторов недобросовестности в академической деятельности в современных российских условиях и отстаивается мысль, что не столько всемогущество бездумной бюрократии от науки, сколько неразвитость социально и профессионально ответственного академического сообщества является одной из предпосылок сохранения в академической среде этически первертированных представлений об успехе.

Ключевые слова: добросовестность, успех, академический этос, академическая этика, факторы недобросовестности, этические перверсии.

О постановке проблемы

Успех – ценностное понятие, характеризующее действия, деятельность с точки зрения достигнутой результативности и их значимости. Успешность символизирует соответствие достигнутых результатов планировавшимся или ожидаемым, или обычным в аналогичных случаях. Выражение «большой успех» – указывает на превышение полученных результатов в сравнении с планировавшимися, ожидаемыми или обычными. Этимологические и толковые словари русского языка не предлагают в трактовке этого понятия значений, в соответствии с которыми успех связывался бы с определенной ценностной ориентаци-

ей¹. Ассоциация успеха с ориентацией на стяжание, с «духом капитализма», с прагматизмом, своекорыстием – результат особого рода морализирования, в истоках которого надо разбираться. Предположение об отсутствии идеи успеха в традиционалистском или советском сознании не имеет под собой убедительных оснований².

Показателен набор образов, визуализирующих слово «успех», предлагаемый веб-поисковиками. На первые 100 случайно отобранных картинок только три (в Яндексe) и две (в Google) ассоциируют успех с богатством (деньгами). Аналогичный показатель визуализации слова «success». По 3–4 картинки ассоциируют успех с безмятежным счастьем романтических отношений. На остальных картинках успех символизируется посредством образов, представляющих преодоление препятствий, восхождение к вершине, достижение высоких и сверхвысоких, значимых самих по себе результатов, самоосуществление личности на основе веры в свои силы, благодаря поддержке друга и соратника, победу в команде единомышленников, признание со стороны коллег, удачу. Можно предположить, что отбор образов, производимый поисковиками, не так случаен, как кажется, и скорее является результатом регуляции со стороны операторов поисковиков, которые скрытно – по каким-то своим мотивам – задают ценностно-позитивные коннотации идее успеха. Но тогда среди картинок, иллюстрирующих слово «success», не должна была появиться табличка с цитатой, приписываемой Эйнштейну: «Постарайся не стать человеком успеха, – лучше постарайся стать человеком ценности».

Так же показательна тематика поп-журнала «Успех как стиль жизни» [7]. Журнал, похоже, неявно рекламный, но вместе с тем по-своему программный: представляя из номера в номер галерею предпринимателей и управленцев в самых разных сферах, он последовательно утверждает позитивный образ среднего и малого бизнеса как социально ответственного

¹ См., например [5, 1446–1447].

² См. экспликации значений соответствующих понятий В.В. Виноградовым [1, 656–658] и в Словаре под редакцией Д.Н. Ушакова. Заслуживает внимания, что в последнем статья «Успех» иллюстрируется двумя цитатами из речей советского тирана [6].

бизнеса. Иными словами, успех как стиль жизни связывается именно с благотворной для общества и для людей деловой активностью.

Между тем, приписываемое Эйнштейну наставление, будучи по смыслу исключительным в ряду предлагаемых образов, перекликается с дилеммой, сформулированной редакторами «Ведомостей прикладной этики» при характеристике личной социально-нравственной ситуации в академической сфере. В этой ситуации ценность успеха противопоставлена ценности академической честности и, тем самым, фактически задается реально негативная коннотация идеи успеха. Именно так можно воспринять констатации редакторами (а) все большего противостояния в современных условиях ценности успеха ценностям профессиональной честности, (б) альтернативности ценности успеха «классическим ценностям», (в) рискованности поведенческой ориентации на успех как чреватой торжеством аморализма, (г) все большего доминирования в университетской среде представлений об успехе, которые следует считать этически первертированными, (д) необходимости противостоять им с помощью «классических ценностей», (е) тенденции к вытеснению из публичного университетского пространства ценности честности под давлением той самой этически первертированной ценности успеха, насаждаемой новыми порядками в управлении университетами. Такими констатациями предполагается, что в наличной социокультурной ситуации идея успеха располагается в отрицательной части ценностного спектра. Развивая программу возвращения этики успеха, редакторы считают необходимым изменение сложившейся нормативно-этической, этико-профессиональной, этико-организационной ситуации в академической среде и предлагают для обсуждения идею успеха.

В указанных толковых словарях выделяется еще одно значение понятия «успех». Согласно ему успешность действий, деятельности может предполагать и общественное признание полученных результатов³. При этом социальная референция

³ *Может предполагать* – в том смысле, что, во-первых, в словарях это одно из значений слова, во-вторых, на практике успех не непременно ассоциируется деятелем с внешним признанием его дос-

такого признания различна – домочадцы, друзья, коллеги по работе и по профессии, начальство, представители общественности, широкая публика. С социологической точки зрения, у индивида, включенного в разные социально-референтные зависимости, разными являются и ориентации на признание успешности его действий. При этом критерии успешности в разных референтных группах могут отличаться друг от друга, вплоть до противоречивости, и тем не менее оставаться сосуществующими в ценностном сознании индивида. Эту особенность феноменологии морального сознания важно учитывать при рассмотрении моральной и этико-профессиональной ситуации личности. Противоречивость ценностей, ценностных систем – это не только возможная объективная сторона существования человека в организациях, учреждениях, корпорациях, но и возможная внутренняя характеристика его морального сознания.

Противостояние профессионал – администратор (профессор – декан/ректор) имеет социально-нравственное измерение, и его непременно следует иметь в виду, но им не исчерпывается ни проблема критериев успеха в академической деятельности, ни тем более проблема честности, а шире – этической релевантности академической деятельности. Этически перверсивные представления об успехе порождаются отнюдь не только новыми порядками управления университетами, предполагающими измерение академической активности преподавателей по формальным, да и просто надуманным показателям, хотя и ими тоже. Но сама по себе современная профессорско-преподавательская среда далеко не всегда предстает морально безукоризненной, и это следствие не столько новых порядков в управлении, сколько общей социально-нравственной ситуации, с обычностью двойных-тройных стандартов (что на самом деле знаменует размывание стандартов), лицемерия, неуважения к достоинству человека, к труду, к талантам. Факты злоупотребления преподавателями и профессорами своими профессиональными и служебными функциями, своим статусом не редкость. Примеров такого рода немало на слуху, но лишь некоторые из них, даже попав в поле зрения правоохрани-

тижений, но фиксируется им в форме самооценки.

нителей, становятся достоянием гласности [См. 3; 4]. Это тоже свидетельствует о неблагоприятности наличной социально-нравственной ситуации.

Противостояние профессионал – администратор неоднозначно не только по содержанию, но и по формам осмысления – на уровне личности, вовлеченной в это противостояние, на уровне организации, в которой такое противостояние имеет место, на уровне профессионального сообщества и на уровне общества, обеспокоенных противоречиями и взаимонепониманием между профессионалами и администрациями. Разноуровневость проявления этой проблемы важно учитывать при определении нормативных, социально-организационных и политических стратегий ее решения. Дело не только в различии ценностей (успеха и честности) или даже ценностных систем. Дело в этосе университета, шире, системе академической – университетской и научной – жизни.

О научной недобросовестности

Пристальный взгляд на академический этос позволяет обнаружить самые разные источники моральной деструкции. Рассмотрим их на примере феномена научной добросовестности (в англоязычной литературе – integrity). Представляется, что понятие добросовестности уже понятия честности в предположенной редакторами дискурсивной диспозиции. При обсуждении (не)добросовестности в науке основной предмет озабоченности и ученых, и общества (той его части, которая чувствительна к нарушениям принципов и правил в профессиональной деятельности) – это плагиат, фальсификация и фабрикация научных результатов. Главное требование к ученым (не важно, имеются ли в виду ученые – университетские преподаватели или «чистые» ученые-исследователи) – быть добросовестными при проведении научных исследований и публикации их результатов, соблюдать авторские права, уважать труд коллег. В плане предложенной для обсуждения дилеммы – успех или честность – очевидно, что плагиат, фабрикация, фальсификация представляют собой проявления нечестности, и исследователи идут на это, имитируя исследовательскую деятельность, для обеспечения отчетности по исследованиям, в особенности

имеющим целевое (например, грантовое) финансирование. Во многих сферах науки исследования и строящиеся на их основе концепции носят столь специализированный характер и предполагают такой уровень компетентности, что проверка результатов в порядке не только административного и финансового контроля, но и предпубликационного рецензирования (peer review) и послепубликационной экспертной проверки оказывается во многих случаях затруднительной, требующей контрольных исследований, сопоставимых по объему и затратам с тем, которое подвергается критической оценке. В этих условиях научная добросовестность предстает сугубо этической категорией.

Однако научная добросовестность не исчерпывается воздержанием от плагиата, фальсификации и фабрикация данных. Речь должна идти не только о результатах исследований, но и об этосе науки, об этических принципах взаимодействия в академическом сообществе, научной политике, управления и организации в науке.

Мы плохо представляем себе положение дел с научной добросовестностью в российской науке. Продвижение в этой области возможно лишь при условии обеспечения обсуждений (не)добросовестности в науке соответствующими фактически данными. Их нет. В частности, и потому, что факты недобросовестного поведения в науке не принято обсуждать, не принято обобщать, не принято принимать во внимание.

В связи с этим всяческого одобрения заслуживают разоблачения Диссернета [2]. Но они направлены, главным образом, против держателей фиктивных ученых степеней. Сонм липовых диссертаций, посредством которых расплодилось ничтожные «ученые», это тоже показатель этического положения в научном сообществе. Можно сказать, что половина из них – чиновники-депутаты и коммерсанты. Но, во-первых, только половина. Во-вторых, без статусных ученых, из которых состоят диссертационные советы, потворствующие ничтожности, те не появились бы. Без соответствующих экспертных советов ВАКа, адаптирующих свои экспертные критерии под состояние околонуучной среды (говорю об этом, сам пробыв несколько лет членом одного из экспертных советов). О состоянии научной этики и ее потенциале в российской науке говорит и то, что ис-

правлять сложившийся в этом деле порядок вещей взялись чиновники от науки, пусть и политически правильные, – но чиновники. Усилия же отдельных ученых и общественных активистов по борьбе с ничтожными обладателями дипломов кандидатов и докторов наук ни диссертационные советы, ни научные институты в лице их ученых советов и директоров, ни чиновники и политики уровня принятия решений поддерживать не стали.

Безмерное количество псевдостепененных было бы невозможно, будь само научное сообщество здоровее и нравственно благополучнее. В целом проблема липовых степеней – это отдельная проблема, однако ее решение, если это достижимо, не снимет проблем, имеющихся внутри науки и академического сообщества. Обсуждение проблем научной добросовестности должно основываться на фактах. Не на слухах, личных впечатлениях и предположениях, а на фактах – установленных фактах. Во многих странах мира факты недобросовестности подтверждаются посредством судебных решений. Сложно сказать, возможно ли что-либо подобное у нас. На наше законодательство и наши суды особой надежды нет. Но академические сообщества, не дожидаясь судебных решений, могли бы выявлять и предъявлять миру такого рода факты. Для этого нужна решимость. Мне известен случай, когда на ученом совете одного университета в Москве разбирался конфликт, возникший вследствие обнаруженного плагиата. Члены ученого совета были озабочены самим конфликтом больше, нежели фактом плагиата. А при обсуждении этого факта (вполне возможно, случайного, ненамеренного) гораздо больше внимания уделялось мотивам, а не результатам. Между тем в вопросах недобросовестного научного поведения важно оценивать именно результаты; мотивы, в самом деле, второстепенны. Обсуждение того случая было спущено на тормозах, поскольку никаких решений принято не было. А это значит, что случившееся и обсуждение того, что случилось, не стало опытом.

Взять, к примеру, такое явление, как ложное соавторство. Ложное соавторство, вроде бы не подпадает ни под одну из основных трех рубрик указанной проблематики научной недобросовестности. Из бесед со своими коллегами из региональных университетов я знаю, что ложное соавторство, а именно ука-

зание в качестве соавтора работы имени человека, который к созданию работы не имеет отношения, – распространенное, если не сказать, повсеместное явление. Недавно я узнал о случаях такого рода в столичных вузах. Насколько я понимаю, в силу определенной специфики среди естественников ложное соавторство распространено больше, чем среди гуманитариев.

Надо ли говорить, что на необоснованное соавторство претендуют по большей части люди, имеющие особые статусные и должностные полномочия. Ложное соавторство оказывается возможным следствием злоупотребления своим служебным положением. Со слов своего бывшего студента, знаю об истории в одном московском вузе, когда автор статьи, опубликованной в вузовском журнале, обнаружил, что у него есть соавтор, и этот соавтор – заведующий кафедрой, на которой он работает. После того, как его попытка поставить вопрос на обсуждение в вузе (а он обращался к проректору и ректору) не имела успеха, он обратился в суд. Суд не признал обоснованными претензии автора, к тому же вменил ему все судебные издержки. Вскоре автора вынудили подать заявление об уходе. Это печальная история – из конца 1990-х годов. Автор уже давно доктор наук, профессор. Заведующий кафедрой стал проректором, и до сих пор благополучно пребывает на этом посту. Если посмотреть список его публикаций, подавляющее их большинство – в соавторстве.

Мы справедливо сетуем, что у нас нет строгого понятия плагиата. Чаще употребляется эвфемизм: «недобросовестное цитирование». При этом ссылаются на то, что определение в конкретном случае плагиата – это прерогатива суда. В отличие от плагиата, ложное соавторство всегда очевидно. Тем не менее, вывести на чистую воду ложного соавтора не так просто. Главным образом, вследствие того, что это истинные авторы считают недопустимым ложное соавторство. Требующие справедливости, тем более требующие ее в суде, рассматриваются как выносящие сор из избы, иными словами, неполярные «корпорации университета»⁴ люди, со всеми вытекающими отсюда

⁴ Слова «корпорация университета» ставлю в кавычки, считая, что вопреки широко распространившемуся мнению о современном университете как корпорации, даже бизнес-корпорации (в отличие от

последствиями. Суды же, при редких попытках авторов противостоять ложному соавторству, становятся на сторону ложных соавторов, поскольку они – начальники, а начальники у судов в фаворе.

Важный вопрос – экспертиза качества научных работ и «процедурное» научное рецензирование. У нас нет четких критериев определения качества научных работ. Конечно, интуитивно мы понимаем, какая статья или книга дельная, а какую следовало бы под нож; но мы пока не решаемся сформулировать критерии для определения качественного уровня полученных результатов. Некоторые теоретики науки полагают, что возможно и этично формулирование критериев недопустимого, и это касается фальсификации, фабрикации данных, плагиата и т.д., а формулирование требований – невозможно. Я предполагаю, однако, что и с таким критерием, как фальсификация не все просто. Что такое фальсификация в гуманитарных исследованиях? Например, как провести грань между фальсификацией и неправильной интерпретацией текста? На уровне мотивов это ясно, но мотивы нам недоступны для анализа и оценки. У меня были случаи, когда я усматривал в работах коллег историко-философские суждения, явно не соответствовавшие тексту анализируемого произведения, и делал вывод о непредумышленной фальсификации, а мне в ответ говорили, что это интерпретация, авторский взгляд. Возможно, мои аргументы и были убедительными для сторонних наблюдателей, но не для тех, у кого я находил безосновательные интерпретации, на грани с фальсификацией.

«классического университета»), именно корпоративности университетам не хватает. Корпорацию представляет собой университетская администрация, которая пользуется всеми возможными дивидендами от своего статуса, используя профессоров, преподавателей, научных сотрудников в качестве наемных работников, с помощью знаний и способностей которых университет выполняет свою функцию образования (как бы последнее не понималось) и позволяет обеспечивать членам администрации определенный высокий уровень дохода, при том что зарплата профессоров редко достигает уровня средней зарплаты по региону, а зарплаты преподавателей из года в год остаются на уровне, чуть превышающем минимальный.

Аналогичные трудности могут возникать и при «процедурной» экспертизе. Однако проблемы с «процедурной экспертизой» глубже. С одной стороны, считается, что все работы проходят экспертизу, по крайней мере, все работы рецензируются. А с другой – по имеющемуся опыту, я бы сказал, что первичная экспертиза во многих случаях носит формальный характер. Некоторые отзывы на статьи и даже книги не превышают полстраницы, они явно для того, чтобы отписаться и при этом никого не обидеть. Повсеместна практика написания рецензий самими авторами, и эта практика носит взаимно полезный и взаимно удобный характер. Но рецензии такого рода – фикции; в терминах научно-исследовательской работы, они представляют собой фабрикацию. Процент таких сфабрикованных рецензий более чем велик.

Мнимые экспертизы – самая большая проблема научного этоса, потому что это наиболее распространенное явление недобросовестности в нашей среде. Необходимо добиваться такого переустройства этоса научных сообществ, при котором считались бы неэтичными какие-либо усилия автора получить рецензию на свой текст; рецензии должно организовывать то лицо, а это, как правило, коллективное лицо (редакция, издательство), которому рецензия адресуется. Порядок, при котором забота об организации рецензии перекладывается на автора, представляет собой непосредственное условие для недобросовестного поведения в науке.

К этому примыкает и вопрос рецензирования статей в журналах при их рассмотрении на предмет публикации. Все больше журналов принимают статус рецензируемых. Но в самом ли деле они таковы? Есть такие, в которых статьи проходят реальное рецензирование. Однако есть и такие, где авторам формально присылаются рецензии, но рецензии оставляют впечатление сгенерированных машиной. Где-то рецензирование подменено отбором, производимым работниками редакции, так сказать, в рабочем порядке. Где-то рецензирование проводится в форме обсуждения статей на редколлегии, и сама процедура обсуждения на редколлегии рассматривается как уже свидетельство того, что журнал является рецензируемым. Между тем, очевидно, что экспертиза и просто обсуждение –

разные вещи. На примере «рецензируемых журналов» можно хорошо видеть, что научная деятельность симулируется не только людьми со стороны, которых, кроме диплома, ничего не интересует, но и людьми изнутри, посвятившими себя исследовательской и педагогической деятельности. Довольно быстро после того, как у нас утвердилось понятие «рецензируемые журналы», появилась (впрочем, как и во всем мире) масса журналов, преподносящих себя в качестве рецензируемых, которые представляют собой коммерческие предприятия. Научными статьями стали называться опусы, по прежним меркам тянувшие едва ли на тезисы. Авторы этих опусов признаются в качестве ученых, они сами себя всерьез считают учеными, они допущены к преподаванию, пишут учебники и т.д.

Очень важный вопрос – экспертиза заявок на гранты и в особенности промежуточных и финальных отчетов по грантовым исследованиям. По опыту эксперта в научных фондах я бы сказал, что отбор недостаточно строг, а оценка итогов исследований по грантам фактически носит формальный характер. Не знаю ни одного случая прекращения финансирования исследования по итогам экспертизы промежуточных отчетов. Повышение уровня экспертизы не замедлило бы сказаться и на степени добросовестности заявок. Это могло бы стать важным фактором повышения этоса научных исследований. Научные фонды могли бы задать в этом деле особый тон и предъявить научному сообществу надлежащий ранг экспертной работы.

Есть еще один важный вопрос, непосредственно относящийся к проблемам добросовестности и в науке. Он касается методов планирования научной работы и управления ею в университетах и исследовательских институтах. Формализация управления на деле выражается в стремлении управляющих государственных органов контролировать все стороны деятельности ученых по количественным параметрам и с целью «повышения» прогнозируемости и эффективности научной деятельности полностью подчинить ее количественным показателям. Постоянно возрастающий поток реляций от управляющих инстанций ставит ученых в положение, когда они все более вынуждены лукавить и даже лгать. Особенно одиозными выглядят запросы на планы научных исследований надолго вперед, на

10–15, а то и 25 лет, причем с формулированием предполагаемых результатов. Есть пессимисты в нашей среде, которые полагают, что это такой метод борьбы государства с учеными как социальной группой: задавить их бюрократическими нагрузками. Как реалист я полагаю, что госчиновники исходят из того, что, поскольку на научные исследования идут бюджетные средства, этой деятельностью надо как-то управлять, и они управляют. Как могут. Как «менеджеры». Как бы ни было, задания на составление перспективных планов, причем, повторю – с формулированием ожидаемых результатов, идут, и руководство университетов, как и исследовательских институтов, вынужденное соответствовать, запрашивает требуемые сведения от подразделений, т.е. от ученых, которым ничего другого не остается, как сочинять планы и прогнозировать будущие результаты. Вроде бы рутинные бюрократические игры. На деле же происходит изменение академической атмосферы, изменение академического этоса. Потому что все это так называемое планирование-прогнозирование (сочинение программ, направлений, госзаданий) сплошь пропитано симуляцией активности, в конечном счете – фальсификациями, ложью. Без избавления от этой бюрократической «плесени» нельзя всерьез говорить об утверждении добросовестности в науке.

Проведенным обзором я хотел показать, что конфликт ценностных ориентаций в педагогической и научной деятельности, хотя и может обостряться вследствие противостояния профессионалов и управленцев, в значительной степени обусловлен состоянием внутри самого научного сообщества. Трудно сказать, насколько вообще уместно говорить о научном сообществе в России, разве что в социолого-статистическом смысле. Несомненно, есть локальные, на уровне лабораторий, может быть, даже институтов, научные сообщества. Возможно, некоторые из них задают тон в своем чуть более широком социально-интеллектуальном пространстве, чем их собственное. Но не более того. Это проблема уже не этики и не науки, а общества в целом. Российское общество – атомизированное (даже не индивидуализированное), тотально маргинализованное и в этом смысле декоммунитаризированное – общество разрушенных сообществ. Или не собравшихся сообществ, не

ставших признанными и институционализированными социальными агентами. Все сказанное выше по сути об этом – об отсутствии академического сообщества как самосознательного, организованного, рефлексирующего, осознающего свою социальную миссию и свои профессиональные интересы, а значит, имеющего внутренние обоснованные критерии успешности, заслуженности, достоинства в профессии. Однако при отсутствии таких критериев и соответствующих ценностных представлений сообщество не возникнет. Поэтому можно начать и с формирования этики успеха профессора, преподавателя, исследователя, имея в виду, что в конечном счете это – формирование профессиональной этики. Более-менее институционализированной. Задающей фундамент профессионального сообщества. Формирующей у него способность отстаивать высокие ценности образования и науки. В том числе в противостоянии бездумному давлению бюрократии.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* История слов / Отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1999. – 1138 с.
2. Диссернет. Вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов. <http://www.dissernet.org/>.
3. *Строева Е.* Дело о получении взятки в 1 млн. рублей за поступление в МГУ закрыто со скандалом // Труд. 2010. 30 апреля. № 076.
4. *Тарасов А.* О роли наличности в науке // Новая газета. 2016. 10 октября. № 113. С. 16–17.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М. : Астрель; АСТ, 2003. – 1582 с.
6. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940. Т. 4. Цит. по: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>.
7. Успех как стиль жизни. Архив журнала, <https://erapn.ru/archive/arxiv-zhurnal-a-uspex-kak-stil-zhizni/>.